

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СТЕПИ ЕВРАЗИИ В ДРЕВНОСТИ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

*Материалы Международной научной конференции,
посвященной 100-летию со дня рождения
Михаила Петровича Грязнова*

Книга II

Санкт-Петербург
Издательство Государственного Эрмитажа
2003

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Государственного Эрмитажа
и Ученого совета Института
истории материальной культуры РАН

Редакционная коллегия:

М.Б. Пиотровский
Е.Н. Носов
А.Ю. Алексеев
В.А. Алекшин
Н.А. Боковенко
В.С. Бочкарев
Э.Б. Вадецкая
Г.В. Длужневская
С.В. Красиенко
В.М. Массон
М.Н. Пшеницына
Д.Г. Савинов
Л.А. Соколова

Ответственный научный редактор Ю.Ю. Пиотровский

На обложке: бляха от узды № 8. Первый Пазырыкский курган. *Дерево*

данных было установлено, что курган 1, исследованный в 1965 г., позже был перенумерован в курган 16; курганы 2, 3, 4 (раскопки 1966 г.) были перенумерованы в курганы 30, 7 и 12 [Мандельштам, 1966; 1967; 1978].

² В кокзальской культуре хуннскими элементами являются: труположение и ориентировка погребенных; гробы и гробы с «хозяйственным отсеком»; обычай помещать в могилу черепа лошадей, крупного или мелкого рогатого скота; ярусные, асимметрично-ромбические и удлиненно-ромбические трехлопастные железные наконечники стрел; круглые удлиненно-треугольные наконечники копий; отдельные типы пряжек и т. д.

³ Как хуннские в Бай-Даге II были идентифицированы курганы с дромосом; курганы, в захоронениях которых встречены гробы, установленные в сруб, а также характерная керамика или плоскостонные бронзовые котлы с арочным орнаментом.

⁴ Особое место среди курганов Бай-Дага II занимает курган 7, в котором было выявлено разграбленное скифское захоронение в срубе.

⁵ В основном погребении кургана 42 зафиксированы «камни и обломки отдельных костей ребенка» [Мандельштам, 1978, с. 41].

⁶ Погребальная конструкция (гроб в срубе) позволяет соотнести этот курган с культурой хунну (см. рис. 2).

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокзаль (погребения казылганской и сыынчурекской культуры) // Тр. ТКЭАН. Л., 1970. Т. III.

Вайнштейн С.И., Дьяконова В.П. Памятники в могильнике Кокзаль конца 1-го тысячелетия до н.э. – первых веков нашей эры // Тр. ТКЭАН. Л., 1966. Т. II.

Грач А.Д. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV.

Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокзаль (по результатам раскопок за 1963, 1965 гг.) // Тр. ТКЭАН. Л., 1970. Т. III.

Мандельштам А.М. Отчет о полевых исследованиях, проведенных 2-м отрядом СТАЭАН в 1965 г. // Архив ИИМК РАН, 1966, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 23.

Мандельштам А.М. Отчет о полевых исследованиях, проведенных 2-м отрядом СТАЭАН в 1966 г. // Архив ИИМК РАН, 1967, ф. 35, оп. 1, ед. хр. 27.

Мандельштам А.М. К гуннской проблеме // Соотношение древних культур Сибири с культурами сопредельных территорий. Новосибирск, 1975.

Мандельштам А.М. Отчет о полевых исследованиях на могильнике Бай-Даг II в 1977 г. // Архив ИА РАН, 1978. P-1, д. 6654, 6654а.

Мандельштам А.М., Стамбульник Э.У. О некоторых проблемах ранней истории кочевников Тувы // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980.

Миннев С.С. К топографии курганных могильников сюну // КСИА. 1985. № 184.

В.П. НИКОПОРОВ

К ВОПРОСУ О РОЛИ СТРЕМЯН В РАЗВИТИИ ВОЕННОГО ДЕЛА

В работах по военной истории древности появление стремян часто рассматривается как эпохальный революционный скачок в развитии военного дела. Это, к примеру, утверждал в своей нашумевшей монографии Л. Вайт, который напрямую связал внедрение стремян в боевую практику раннесредневековой Европы с образованием там феодальной аристократии конных воинов [White, 1966, p. 1–38]. Некоторые исследователи полагают, что стремна были настолько необходимы классической античной тяжеловооруженной коннице (катафрактам), тогда как их отсутствие делало бы практически невозможным применение бронированными всадниками их главного наступательного оружия – пики. Согласно этому мнению, стремна были изобретены гораздо раньше, чем это может быть установлено на основе дошедших до нас данных, однако они первоначально изготавливались из органических материалов (кожи, веревок, дерева) и поэтому не сохранились в археологических комплексах [Кызласов, 1973; Littauer, 1981, p. 103–104; ср.: Werner, 1956, S. 53; Dalton, 1964, pl. LXVIII; Рунич, 1973, с. 169; Кляшторный, Савинов, 1994, с. 101, 102]. Впрочем, помимо невозможности подтвердить эту теорию археологическими находками, она имеет еще один, причем весьма

существенный и труднообъяснимый момент: на многочисленных памятниках древнего искусства, изображающих конных бойцов и датируемых временем ранее IV в., нет ни одного достоверного изображения стремян.

По этим причинам идея об очень раннем изобретении стремян остается только гипотезой, требующей более строгих доказательств, чем чисто логические рассуждения. Можно согласиться со следующим заключением по данному поводу: «Так же трудно поверить в то, что знающие металлообработку народы использовали бы в течение длительного времени или же в большинстве случаев веревочные, кожаные или деревянные стремна без изготовления их заменителей из бронзы или железа, как и считать, что неметаллические стремна никогда не существовали просто потому, что они не сохранились и не могут быть найдены при раскопках» [White, 1966, p. 19].

Прототипы стремян иногда видят на некоторых памятниках искусства рубежа новой эры из Индии [Leshnik, 1971, p. 147; Littauer, 1981, p. 99–100, pl. XXI]. Например, свисающая от седла крюкообразная опора под ногу конника на кушанской гемме II в. н. э. из Британского музея [Nikonov, 1997, vol. 1, p. 58; vol. 2, p. 14, fig. 37/e] и особенно стремявидная левосторонняя подножка, известная

по материалам из погребений начала IV в. – Чанша и Аньяна в Китае [Вайнштейн, 1991, с. 220–221, рис. 97]. При помощи таких односторонних подножек наездники без труда запрыгивали в седло, даже если оно было высоким.

Вообще же реальные парные стремена, сначала деревянные, окованные листовым металлом, а потом и цельнометаллические появились в странах Дальнего Востока в IV–V вв. [Амброз, 1973, с. 83, 86; Вайнштейн, 1991, с. 223; Littauer, 1981, p. 102–103; Świątosławski, 1990, s. 25–27]. Не позднее середины I-го тыс. железные стремена попали с Дальнего Востока в Центральную Азию и Южную Сибирь [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 101–102; Шульга, Горбунов, 1998], а затем при посредстве местных всаднических народов, двинувшихся на запад в различных потоках Великого переселения народов, они были занесены в Европу. В ее восточной части этот элемент экипировки конника мог оказаться уже в конце V – первой половине VI в. [Измайлов, 1990].

Авары, прибывшие из Азии около середины VI в., способствовали распространению стремян в Подунавье [Bivar, 1955, p. 62–63; 1972, p. 287; Амброз, 1973, с. 87–94; Littauer, 1981, p. 103, 105; Świątosławski, 1990, s. 29–30]. Происходило это, согласно археологическим данным, начиная с VII в., но, по-видимому, все же несколько раньше – с конца VI в., поскольку стремяна, причем парные железные, уже упоминаются в «Стратегиконе» Маврикия – памятнике византийской военной мысли рубежа VI–VII вв. – как элемент восточно-римского кавалеристского снаряжения, на состав которого как раз авары и оказали весьма существенное влияние [Mauric. I,2,7 ed. Mihăescu = I,2,41–42 ed. Dennis [= Leon. *Tact.* VI,10]; ср. Mauric. II,8,3 ed. Mihăescu = II,9,28 ed. Dennis]. Однако при этом следует иметь в виду, что достоверных данных об использовании стремян для собственно военных нужд самими аварами нет, по меньшей мере, до второй половины VII в. [Bachrach, 1986, p. 25–26]. Нет и достаточных свидетельств того, что стремяна были широко распространены в коннице раннесредневековой Византии. Что же касается Западной Европы, где стремяна определенно появились не позднее второй половины VII в. [Дженито, 1992], то, судя по имеющимся материалам, они не получили заметного использования в военном деле вплоть до начала X в. [Bachrach, 1985, p. 739–742; 1986, p. 24].

Итак, мы видим, что, хотя стремяна, вне всякого сомнения, и сделали верховую езду гораздо более удобным занятием, чем это было прежде, и к тому же предоставили конным воинам дополнительную опору для применения оружия, прежде всего рубящего действия, нет никаких оснований утверждать, что они изначально предназначались для боевого использования. Представляется достаточно очевидным, что должно было пройти

какое-то время после знакомства со стременами, прежде чем они становились важным и обязательным предметом экипировки каждого воина-кавалериста. Предшествовавшая этому практика конного боя вовсе не сразу восприняла данное новшество, а, наоборот, как раз стременам предстояло доказать свою целесообразность на поле брани.

Естественно, возникает вопрос: что же, помимо ловкости, силы и специальной выучки, помогало конным бойцам эффективно сражаться в эпоху, предшествовавшую внедрению стремян в военное дело? Каким образом, к примеру, закованные в доспехи катафракты могли не только прочно сидеть на своих скакунах, но и рубиться на мечах в ближнем бою, а главное, наносить на полном скаку неприятелю таранный удар своими длинными и тяжелыми двуручными пиками, не рискуя оказаться на земле в результате такого столкновения? Ответ может быть только один: для этого требовались специальные седла жесткой конструкции.

В настоящее время известны две основные разновидности таких седел. Первая была снабжена четырьмя выступами-«рогами» – по два спереди и сзади. Она была выделена специалистами по римским военным древностям, прежде всего П. Коннолли, который, базируясь на вещественных и изобразительных материалах из археологических памятников Западной Европы, относящихся к эпохе Римской империи, провел исследования, включая экспериментальные, по установлению конструктивных и функциональных особенностей этого важного вида римского конского снаряжения. В результате удалось выяснить, что такое седло было жестким – оно имело обтянутый кожей деревянный каркас с набивкой, а к его углам были прикреплены четыре «рога». Эти последние, прочно охватывая расположившегося на седельной подушке всадника, давали ему максимально надежную и удобную посадку на коне. Само седло крепилось к телу скакуна при помощи подпружного, подхвостного и нагрудного ремней [Connolly, 1987; Herrmann, 1989, p. 763–764, 768–769; Dixon, Southern 2000, p. 70–74].

Основываясь на исследованиях П. Коннолли, Дж. Херрманн выявила целый ряд изображений седел «рогового» типа на произведениях искусства позднепарфянского и раннесасанидского времени (I–IV вв. н. э.) с территории Ирана и Ближнего Востока. Она же высказала предположение (и, как кажется, совершенно справедливое), что главным импульсом к развитию седел данного типа, которые давали седокам гораздо большую, по сравнению с использовавшимися прежде простыми чепраками, устойчивость при ведении боя с коня, послужило, несомненно, появление тяжеловооруженной (катафрактной) конницы уже к началу парфянского периода [Herrmann, 1989, p. 764–769]. Добавим, что изображения седел

«рогового» типа хорошо различимы на парфянском граффити I в. до н. э. – I в. н. э. из «Здания с квадратным залом» Старой Нисы [Пилипко, 1996, с. 69, табл. 45/1; 46/A; Никоноров, 2001, с. 115–116] и на серебряном сосуде из сарматского погребения в Косике Астраханской области [Трейстер, 1994, с. 190–191, рис. 7, 9, 11]. Кстати, последний, как и некоторые изобразительные памятники парфянского круга [Негтманн, 1989, р. 766, pl. V/a–b], демонстрирует нам, что «роговые» седла применялись и легковооруженными конными лучниками, которым они давали достаточную устойчивость при ведении стрельбы на полном скаку.

В кавалерии позднеантичной эпохи также использовались жесткие седла, имеющие переднюю и заднюю луки, которые выполняли ту же самую функцию, что и «рога». Самые ранние изображения жестких седел встречаются в раннекушанской скульптуре из Халчаяна в Северной Бактрии [Nikonov, 1997, vol. 1, с. 54; vol. 2, с. 11, fig. 29/h] и в батальной сцене на большой костяной пластине из кургана 2 Орлатского могильника в Самаркандском Согде [Никоноров, Худяков, 1999, с. 147, рис. 4/1]. Исходя из археологического и историко-культурного контекста этих памятников искусства, показанные на них боевые реалии вполне вписываются в общую картину развития военного дела степной Евразии, Средней Азии и Ирана в последние века до новой эры – первые века новой эры. Именно тогда жесткие седла вытеснили из боевого обихода прежние мягкие – в виде чепрака и подушки, которые уже не соответствовали нуждам развития кавалерии, в первую очередь тяжелой.

В этой связи следует упомянуть, что остатки деревянных седел, а также золотых и серебряных пластинок, набивавшихся на их края, были найдены в некоторых скифских курганах второй половины IV – начала III в. до н. э. [Граков, 1971, с. 98; Мелюкова, 1989, с. 97]. Добавим, что в одном из погребений сарматского облика I в. н. э. у р. Большой Узень в Западном Казахстане было обнаружено то, что можно считать остатками деревянного седла с кожаной облицовкой темно-коричневого цвета, с нанесенным на нее ярко-красным орнаментом [Кушаев, 1978, с. 81, рис. 3/9–9а].

Дж. Херрманн высказала предположение, что прослеживающееся по некоторым памятникам сасанидского искусства появление в IV в. седла только с одной, передней лукой, которое заменило прежнее седло с выступами-«рогами», – это, скорее всего, свидетельство начала применения в Иране стремьян, без опоры на которые использование нового седла в военном деле было бы делом безрассудным. Однако она в то же время признает, что в сасанидской иконографии нет ни одного изображения стремьян и решение данного вопроса невозможно без появления новых достоверных доказательств [Негтманн,

1989, р. 769–772]. В источниках же самое раннее упоминание об употреблении стремьян в Иране относится только к концу VII в. [White, 1966, р. 18–19].

Жесткие седла определенно применялись центральными азиатскими хунну (сюнну), причем не позднее III в. до н. э. Согласно сведениям из древнекитайской письменной традиции, при необходимости хунну могли сооружать из своих седел временные наземные укрепления, ставя их друг на друга на очень большую высоту [Кызласов, 1973, с. 26–27; Могильников, 1992, с. 265–266]. По всей вероятности, эти седла имели деревянный каркас и были снабжены высокими передней и задней луками арочной формы: как раз такие седла принесли с собой в Европу в последней трети IV в. гунны, основное ядро орды которых было генетически связано с хунну.

Из погребальных памятников гуннской эпохи происходят многочисленные металлические обкладки ленчиков и передней луки, а также обивки по краям седел [Werner, 1956, р. 50–53; Дмитриев, 1979; Засецкая, 1994, с. 45–50; Kazanski, 1991, р. 137]. В «Гетике» Иордана и «Римской истории» Павела Диякона сообщается, что во время битвы на Каталаунских полях в 451 г., после того как гунны были вынуждены укрыться в своем укрепленном лагере, их царь Аттила приказал соорудить во внутреннем пространстве костер из конских седел, в который он намеревался броситься, дабы не попасть живым в руки врагов [Iord. *Get.* 213; Paul. *Diac. HR XIV, 7*]. Эти седла, вопреки скепсису О. Менхен-Хельфена [Maenchen-Helfen, 1973, р. 208], несомненно, имели деревянную основу, поскольку волосная набивка мягких седел, если бы таковые использовались в гуннской кавалерии, была бы совершенно непригодна в качестве топлива для костра [Werner, 1956, р. 51; Кызласов, 1973, с. 25].

Существует мнение, что хунну и европейские гунны имели стремьяна [Кларк, 1953, с. 307–309; Howarth, 1994, р. 20; Bruhn Hoffmeyer, 1966, р. 115; ср. Werner, 1956, р. 53; Littauer, 1981, р. 104], но оно не подтверждается никакими фактическими данными. И те и другие в этом новшестве особенно не нуждались. Им было вполне достаточно иметь под собой жесткое седло с высокими передней и задней вертикальными луками, которые давали надежную опору при ведении эффективной стрельбы вперед и с оборотом назад во время скачки.

Таким образом, упомянутые виды жестких седел, появившиеся в позднеантичное время, обеспечивали войнам как в тяжелом (катафрактном), так и легком (стрелковом) снаряжении возможность эффективного применения оружия ближнего и дистанционного боя, невзирая на отсутствие столь необходимой, казалось бы, опоры на стремьяна. Вопреки распространенному мнению, можно утверждать, что отсутствие стремьян не уменьшало боеспособность древней конницы. Следует согласиться

с точкой зрения [Coulston, 1986, p. 61–62; Goldsworthy, 1998, p. 244; Dixon, Southern, 2000, p. 74; Bennett, 1998, p. 300, s. v. stirrup, impact of], что внедрение «роговых» седел (и, необходимо добавить, также седел с передней и задней луками) вполне компенсировало этот пробел в ее оснащении. Также становится очевидным, что вовсе не обязательно связывать друг с другом появление жестких седел и изобретение стремян, тем более что они вошли в обиход на несколько столетий позже жестких седел.

Данная работа выполнена в рамках коллективного исследовательского проекта «Военное дело варварских народов Юго-Восточной Европы во II–VI вв. н. э. (по данным позднеклассических авторов)», получившего финансовую поддержку фонда «Research Support Scheme of the Open Society Support Foundation» (RSS), грант № 1721/841/1998.

Iord. Get. – Iordanis De origine actibusque Getarum (Getica) / Rec. Th. Mommsen // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. V/1. Berolini, 1882. P. 53–138.

Leon. Tact. – Leonis imperatoris Tactica. T. I (Prooemium et constitutiones I–XI continens) / Ed. R. Vári. Budapestini, 1917.

Mauric. – Mauricius. Arta militaria / Ed. H. Mihăescu. București, 1970; Das Strategikon des Maurikios / Ed/ G. T. Dennis; Übersetzt. E. Gamillscheg. Wien, 1981.

Paul. Diac. HR – Pauli [Diaconi] Historiae Romanae libri XI–XVI / Rec. H. Droysen // Monumenta Germaniae historica. Auctores antiquissimi. T. II. Berolini, 1879. P. 183–224.

Амброс А.К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81–98.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

Граков Б.Н. Скифы. Научно-популярный очерк. М., 1971.

Джецито Б. Стремена аварского типа в Италии // Античная цивилизация и варварский мир: Материалы III археологического семинара. Ч. II. Новочеркасск. 1992. С. 151–157, 185–186.

Дмитриев А.В. Погребения всадников и боевых коней в могильнике эпохи переселения народов на р. Дюрсо близ Новороссийска // СА. 1979. № 4. С. 212–229.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.

Измайлов И.Л. Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1990. С. 61–70.

Кларк Дж. Г.Д. Доисторическая Европа. Экономический очерк. М., 1953.

Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб., 1994.

Кушаев Г.А. Новые памятники железного века Западного Казахстана // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 76–82.

Кызласов И.И. О происхождении стремян // СА. 1973. № 3. С. 24–36.

Мелюкова А.И. Оружие, конское снаряжение, повозки, наверхия // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 92–100.

Могильников В.А. Хунну Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 254–273.

Никонов В.П. Парфянские седла // Роль ахалтекинско-го коня в формировании мирового коннозаводства. Материалы международной научной конференции. Ашхабад, 2001. С. 115–116.

Никонов В.П., Худяков Ю.С. Изображения воинов из Орлатского могильника // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 2. Горизонты Евразии. Новосибирск. 1999. С. 141–154.

Пилипко В.Н. Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М., 1996.

Рунин А.П. О конской сбруе из района Пятигорья // СА. 1973. № 1. С. 163–170.

Трейстер М.Ю. Сарматская школа художественной торевтики (К открытию сервиза из Косики) // ВДИ. 1994. № 1. С. 172–203.

Шульга П.И., Горбунов В.В. Стремя раннего типа из Алейской степи // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998. С. 99–101.

Bachrach B. S. Animals and Warfare in Early Medieval Europe // L'uomo di fronte al mondo animale nell'alto medioevo. T. I. Spoleto, 1985. P. 707–751.

Bachrach B. S. A Picture of Avar-Frankish Warfare from a Carolingian Psalter of the Early Ninth Century in Light of the Strategicon // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 1986. IV. P. 5–27.

Bennett M. (ed.) The Hutchinson Dictionary of Ancient and Medieval Warfare. Oxford, 1998.

Bivar A. D. H. The Stirrup and its Origins // Oriental Art, NS. 1955. Vol. 1/2. P. 61–65.

Bivar A. D. H. Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // Dumbarton Oaks Papers, 1972. No. 26. P. 271–291.

Bruhn Hoffmeyer A. Military Equipment in the Byzantine Manuscript of Scylitzes in Biblioteca Nacional in Madrid. Granada, 1966.

Connolly P. The Roman Saddle // British Archaeological Reports. International Series. 336. 1987. P. 7–27.

Coulston J. C. Roman, Parthian and Sassanid Tactical Developments // British Archaeological Reports. International Series. 297/1. 1986. P. 59–75.

Dalton O. M. The Treasure of the Oxus with Other Examples of Early Oriental Metal-Work. 3rd ed. London, 1964.

Dixon K. R., Southern P. The Roman Cavalry: From the First to the Third Century A.D. New York, 2000.

Goldsworthy A. K. The Roman Army at War: 100 B.C. – A.D. 200. Oxford, 1998.

Herrmann G. Parthian and Sasanian Saddlery. New Light from the Roman West // Archaeologia Iranica et Orientalis. Miscellanea in honorem Louis Vanden Berghe. Vol. II. Gent, 1989. P. 757–809.

Howarth P. Attila, King of the Huns: Man and Myth. London, 1994.

Kazanski M. A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe – Ve s.) // Journal of Roman Archaeology. 1991. Vol. 4. P. 123–139.

Leshnik L.S. Some Early Indian Horse-Bits and Other Bridle Equipment // American Journal of Archaeology. 1971. Vol. 75/2. P. 141–150.

Littauer M. A. Early Stirrups // Antiquity, 1981. Vol. LV (No. 214). P. 99–105.

Maenchen-Helfen O. J. The World of the Huns: Studies in Their History and Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1973.

Nikonov V.P. The Armies of Bactria, 700 B.C. – 450 A.D. Stockport, 1997. Vol. 1–2.

Świętosławski W. Strzemięta średniowieczne z ziem Polski. Łódź, 1990.

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

White L. Medieval Technology and Social Change. Oxford, 1966.

Б.Б. ОВЧИННИКОВА

КОСТОРЕЗНОЕ ИСКУССТВО ДРЕВНИХ ТЮРКОВ САЯНО-АЛТАЯ

Для изготовления орудий труда, вооружения, различных предметов быта и украшений население Саяно-Алтая с древнейших времен применяло в качестве исходного материала (наряду с металлом, камнем и деревом) рог и так называемую «цевку» – кости скелетов крупных домашних и диких животных, таких как як, марал и других.

Обработка кости по своим техническим приемам имеет много общего с деревообрабатывающим и каменотесным делом. Мастера изготавливали необходимые вещи различными способами: спиливали, срезали, высверливали, стесывали ненужные части. Материал позволял, мягко выбирая фон, придавать особую плавность рельефу и достигать поразительной точности в изготовлении отдельных деталей и предметов. Таким образом, с одной стороны, небольшие размеры костяных заготовок естественно ограничивали поле деятельности древних мастеров, с другой – особая структура исходного материала открывала возможность исключительно тонкой его обработки. В зависимости от назначения изготавливаемого предмета ему придавалась необходимая форма. При окончательной обработке поверхность костяных изделий могли украшать декоративно-художественной резьбой, наносить насечку, гравировку, рисунки.

Древнетюркским мастерам были известны различные приемы резьбы: ажурная (на проем), рельефная, объемная и гравировка. Свообразную декоративность придает кости *гравировка*. Поверхность процарапывается заостренным предметом и нагряется сухой краской (охрой). Затем краску стирают с гладкой поверхности, чтобы она осталась только в процарапанных углублениях, четко выявляя рисунок [Федотов, 1985, с. 235]. Именно гравировкой были украшены некоторые накладки на берестяных колчанах у древних тюрков. Они носят декоративно-прикладной характер и одновременно отражают вкус и технику мастера (рис. 1, 12, 26, 27).

Помимо придания декоративной формы, древнетюркские мастера украшали бытовые вещи орнаментом, а

порой просто оставляли знаки, которые свидетельствовали о личной принадлежности. В представлении ряда исследователей орнамент, по своей сути, – это геометрическое отражение мира, а повторяемость геометрических фигур – цикличность природных процессов. Кроме *геометрического* встречаются изделия и с *растительным* орнаментом.

Так, из погребений Алтая извлечены фрагменты костяных облицовок передней луки седла и седельные канты с геометрическими и растительными узорами (рис. 1, 1, 2, 4, 5). Вообще для древних тюрков характерно объединение двух стилей орнаментов – геометрического и растительного. Можно предположить, что такое сочетание свидетельствует о преемственности изобразительных средств, а так называемая «многоэтажность» орнаментов – об отражении трехчастного мира. Если посмотреть на навершие посоха (рис. 2, 9) из погребения Аргалыкты (раскопки Ю.И. Трифонова), мы видим: растительный орнамент, который можно отождествить со средним миром; кружковый (или циркульный) орнамент, который можно рассматривать как небесную часть, а повторяемость кружков – как ежедневное рождение нового солнца; волнообразный орнамент, который, вероятно, изображал воду. Вода в понимании древних тюрков отождествлялась с мертвой зоной, где человек не мог существовать, т. е. с потусторонним миром [Традиционные мировоззрения..., 1988, с. 22].

Иногда на костяных изделиях присутствуют *сюжетные рисунки*: в могильнике Кудыргэ 9 обнаружена накладка на луку седла, левое и правое крыло которой украшены изображениями охотничьих сцен (рис. 1, 3). [Гаврилова, 1965, с. 85, рис. 17–21].

Среди сюжетных рисунков привлекают внимание изображения на костяных и роговых срединных накладках луков. Так, на могильнике Даг-Аразы в древнетюркском погребении обнаружены наклейки с гравировкой сцены, скорее всего, пейзажа: дерево с корнями и кроной и убегающее животное (рис. 1, 7). На другой накладке лука